

Константин Ерусалимский

Рец. на: А.С. Усачёв. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. Т. 1. 472 с.; Т. 2. 528 с. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018

Konstantin Yerusalimskiy

(Russian State University for the Humanities, Moscow)

Rec. ad op.: A.S. Usachev. Knigopisaniye v Rossii XVI veka: po materialam datirovannykh vykhodnykh zapisey. Vol. 1—2. Moscow; Saint Petersburg, 2018

DOI: 10.31857/S086956870007393-3

История рукописной книги русских земель в периоды древности и Средневековья в наши дни переживает подъём. Скучность сохранившихся источников и высокая научная ценность каждого отдельного кодекса и книжных собраний заставляют рафинировать методики и соединять в интерпретациях общеисторические подходы с источниковедческими наблюдениями. В симбиозе наук, обращённых на реконструкцию книжного фонда, репертуара, социальных и индивидуальных особенностей копирования и чтения книг, особое место отведено кодикологии, в задачи которой входит внешнее изучение кодексов и всей доступной информации об их формировании и бытовании. Книга в переходную эпоху от рукописания к книгопечатанию, пришедшую в Русском государстве на середину XVI в., была частью как традиционных, истари сложившихся, так и новых культурных практик. Изучить их во всём комплексе и на широком историческом фоне было невозможно: слишком обширен и слабо изучен круг кодексов за этот период.

Монография А.С. Усачёва, специалиста по истории российской книж-

ной культуры, поражает уже одним объёмом предварительной работы. *De visu* изучено 709 кириллических кодексов, учтено ещё 25 описаний рукописей, происходящих из русских земель Великого княжества Московского и Русского государства XVI в. и хранящихся ныне в 37 архивохранилищах из 20 городов мира (т. 1, с. 29, 54). Предметом культурно-социологического изучения оказываются «выходные» записи писцов на рукописных книгах, которые, в отличие от владельческих, продажных и прочих помет, содержат информацию о причинах и целях создания книги. Опираясь на всю доступную для исследования научную базу, на примере 477 «выходных» записей воссоздан и проанализирован максимально полный на сегодня свод точно датированных кодексов за XVI в. Не рассматривались те артефакты, датировка и регион происхождения которых вызывают дискуссию (или если в кодексе нет ясной «выходной» записи). Точно датированные кодексы проверены по палеографическим показателям и филиграммам в основном блоке. Кроме того, рассмотрены данные писцовых книг за вторую половину XVI в., в ко-

торых обнаружено упоминание 1 442 книг в церквах и монастырях восьми городов России (т. 1, с. 56).

Датировки рукописей при помощи имущественных описей не поддаются проверке, но позволяют предварительно сопоставить сохранившиеся и несохранившиеся книжные фонды. Усачёв отказывается от лингвистического анализа, однако на деле неоднократно прибегает к языковым данным (т. 1, с. 31, 72, 207—208). Располагая свидетельствами в пользу датировки, почерпнутой из записей, исследователь принимает выбранную предельно точную дату для каждого артефакта, чтобы локализовать работу книжников во времени, пространстве и социальной группе. Как можно понять из вводных слов к исследованию, точная датировка рукописи — не столько результат, сколько условие включения в реестр изучаемых книг, и выбранному критерию соответствуют почти все артефакты. За исключением Пролога (БАН 21.6.1), Октоиха (РНБ, ОСРК Q.I.898), трёх «Годуновских» Псалтирей, Триоди постной (ВГМЗ, № 4379) и Евангелия-тетра (РНБ, собр. Погодина, № 167) изученные кодексы датируются в «выходных» записях очень точно по календарю от Сотворения мира. Это позволяет обсуждать либо даты с точностью до месяца и дня, либо хронологические рамки в пределах от одного до трёх календарных лет от Рождества Христова.

Полученная научная модель книгописания позволяет установить, где, кем и по чьему заказу копировались книги. Эти три параметра и являются ключевыми для отбора источников — «выходные» записи, в отличие от «владельческих» и «продажных», позволяют, как правило, задаться всеми этими тремя вопросами одновременно. Так образованы, соответственно, три главы из основного объёма 1-го

тома рецензируемой монографии, в которых «выходные» записи представлены как исторический источник, содержащий как фактическую, так и структурную информацию. История рукописной и печатной книги в тесном сотрудничестве с источниковедением, искусствоведением и текстологией в данной области уже совершила немало открытий, и среди них монография А.С. Усачёва займет значимое место. Например, социально-культурный портрет писцов древнерусских книг изучался при помощи несколько иной методики на основе ранних аутентичных записей в кодексах Л.В. Столяровой и С.М. Каштановым¹.

К открытиям в области структурного анализа книжного комплекса Московского государства следует отнести вывод о лучшей сохранности кодексов, происходящих из различных регионов Новгородской земли и Русского Севера, что автор предварительно объяснил разрушительными последствиями разорения Запада, Юго-Запада и Юга в ходе многочисленных войн XVII—XX вв. (т. 1, с. 196, примеч. 593). Это истолкование может быть соотнесено со статистическими выкладками по количеству сохранившихся от XVI в. рукописей. Диспропорция в сохранности рукописных книг хорошо видна в распределении по местностям. Если среди книг с «городскими» маркировками в записях большинство (71,3%) происходит из частных коллекций, а среди книг с «монастырскими» маркировками на «личные» приходится чуть больше половины всех локализованных экземпляров (53%), то книги из других населённых пунктов (не монастырей и не городов) уже в подавляющем большинстве — из «личных» собраний (83,3%). При этом большой ряд распавшихся монастырских собраний, по алфавиту от Агапитова

Маркушевского до Флоро-Лаврского в Галиче (всего 56 обителей), по причинам перехода книг в частные руки принёс не столько особую статистику для такого типа монастырей, сколько ещё один важный показатель, подрывающий саму статистическую методику. Обращение рукописных книг происходило между частными лицами и монастырскими собраниями, однако корреляция между средой возникновения, бытования и оседания каждого кодекса очень слабая и не позволяет судить, какие именно каналы гарантировали ему лучшую сохранность. Возможно, как и в других случаях, более дробная периодизация (хотя бы по десятилетиям) позволит уточнить выводы о больших и малых центрах книгописания в России.

Если географическая локализация открывает путь к картографированию упомянутых в записях книжных центров, то стратификация писцов и заказчиков требует усилий по атрибуции книжных работ, что весьма существенно для понимания того, кто, по каким причинам, в каком объёме и в какой исторический момент был причастен в России к книгописанию. Структура глав, посвящённых переписчикам и заказчикам книг, отражает специфику российского книжного дела и степень участия общественных слоев в книгописании («социальный портрет писца XVI в.» — т. 1, с. 200; ср. с. 326, 447). По причастности к копировальной чистовой работе и заказам на неё первое место занимают руководители церкви и иноки (123 переписчика и 132 заказчика) и клирики (124 и 37 человек)². Значительно меньше участвуют в этой работе «иные лица» (дьяки и дьячки, зависимые от монастырей лица, слуги светских лиц, служилые землевладельцы и др.). Всего их — 63 и 61 человек (около 12 и «до 15»% от общего числа переписчиков

и заказчиков (т. 1, с. 452)). Впрочем, статус самой большой «группы» писцов установить не удалось (167 человек или «примерно 1/3» и 55 человек или «чуть более 17%» — см. т. 1, с. 450, 453). В статистику социального распределения книжников и заказчиков трудно включить факты коллективной инициативы по созданию книг. Во многих случаях речь идёт исключительно о своеобразном заказе на создание рукописи коллективом, но, конечно, посчитать «всех хрестыян Важньского погоста» или «всех посадских ориховских» невозможно (т. 1, с. 430, 440, 450—451). Это вносит элемент условности в рассуждения о социальном составе книгописания, поскольку прихожанин — ещё одна квазигруппа — может происходить из какой угодно ниши, разумеется, кроме инославных и приезжих. В дискуссии о самосознании московского общества важное новое слово приносят наблюдения как раз за социально безымянными «прихожанами» и большой деклассированной массой книжников, не обозначающих никак свой статус. Это и есть полная и вполне осмысленная идентификация: значительная масса жителей Московского государства считала свой статус не имеющим никакого значения, а точнее — вряд ли поняла бы вообще, что такое «статус».

При исследовании заказчиков рукописей нам приходится иметь дело не только с особенностями российской книжности, но и со спецификой российской религиозности и политической системы XVI в. Последовательно восстановить «социальный портрет» переписчиков и заказчиков книг вряд ли возможно. Само понятие «социум» дезориентирует. Нет единой системы координат, в которой возможно непротиворечивое описание московского социума XVI в. как единства, в

котором были бы возможны класс монахов, солодовников или пушкарей³. Фамилии многих представителей чёрного духовенства в роли переписчиков и заказчиков следовало бы учесть в разделах, которые в большей мере соответствуют светскому пониманию общественного устройства. Между мирской и иноческой жизнью пролегает не классовая, а духовная граница, и она проходит часто по биографиям одних и тех же родов и лиц. Кроме того, как показывает Усачёв, во многих случаях заказчиков и исполнителей работ по копированию книг разделяла именно эта граница, что само по себе служит доказательством её проходимости (т. 1, с. 444—446).

Фактическая ценность «выходных» записей на книгах XVI в., или их информационное значение как исторического источника, очевидно из многочисленных рассеянных по монографии Усачёва экскурсов. Среди таких экскурсов не все в равной степени убедительны, а факты доказаны. Но в этом особая научная ценность рецензируемого исследования. Оно открывает немало новых страниц в слабо документированной истории России XVI в. На основе сравнения «выходных» записей установлена принадлежность двух Сборников 1512—1513 и 1513—1514 гг. книжнику Иоасафу Хохольку, ранее известному по работе над Лествицей 1520 г. и одному вкладу (т. 1, с. 232—233; т. 2, с. 47. № 67; с. 51—52. № 75).

Запись в черниговском Прологе 1541 г. гласит, что он переписан при воеводе Иване Борисовиче Колычеве. Это уникальное для периода до 1551 г. свидетельство о черниговских наместниках московских великих князей и царей. По всей видимости, вслед за А.А. Зиминым Усачёв отождествляет этого Колычева с сыном Бориса Александровича Хлызня, хотя прямо

эта версия автором не поддержана. Не обсуждается при этом другая версия. Не мог ли наместник Чернигова быть младшим сыном Бориса Александровича Синега Колычева, который записан в Государев Родословец бездетным⁴?

Вклад комплекта служебных Миней кн. М.И. Воротынским в Анастасьин монастырь в 1557—1558 гг. исследователь считает поминальным по жене и дочери князя (т. 1, с. 381—383; т. 2, с. 256. № 451). Это интересная гипотеза, хотя если она верна, то непонятно, зачем в «выходной» записи Минеи в числе заказчиков указан не только князь Михаил, но и его брат — князь Александр.

Ряд соображений высказаны о книжном деле в роде князей Ярославских. Предположительно установлена причастность «клирика Симеона Голыгина», копировавшего в 1570 г. в Николо-Угрешском монастыре толковый Апостол, к ярославскому княжескому роду Голыгиных (т. 1, с. 238; т. 2, с. 300—301. № 546). Заказ на Евангелие-тетр из Александро-Свирского Троицкого монастыря атрибутирован кому-то из представителей ярославских князей Пенковых по имени «раба Божия Пенке, рекомаго Перфирия Григориава сына и брата его Леонтия» (т. 1, с. 93—94; т. 2, с. 136—137. № 234). Для отождествления «Пенке» с князем Пенковым, и как следствие — для вывода о причастности потомков великих князей ярославских к работе над кодексом нет надёжных аргументов, кроме частичного совпадения в прозвище (неясно даже, фамильное ли оно в записи из данного Евангелия). Обсуждая книжность ярославских князей Ивана и Василия Сицких (т. 1, с. 399; т. 2, с. 268. № 478), Усачёв почему-то ни словом не упоминает, что анализируемая им Минея содержит ещё две записи: «Князя Андреевская»

и «Андреевская»⁵. О каком князе Андрее здесь речь?

На фоне кратких экскурсов с примерами микроанализа вырастают в новом качестве проблемы культурной и интеллектуальной истории России. В монографии реализованы концепции автора, высказанные ранее в более узких тематических работах. Дискуссионность присутствует во многих таких постановках. Например, в монографии мы читаем о «повелении» Ивана IV «по многим градом писати святыя книги» (т. 1, с. 329—330; т. 2, с. 232—233. № 406; с. 242—244. № 428). Автор связывает появление этого предполагаемого указа царя с московскими пожарами 1547 г. Нельзя не заметить, что основанием для такого вывода служат упоминания в «выходных» записях более позднего времени — около середины 1550-х гг. Техника копирования рукописных книг — а речь может идти при такой интерпретации только об этом — исключает возможность столь позднего выполнения указа⁶. Примеры долгосрочного копирования Усачёв приводит скорее как исключение, касающееся масштабных замыслов, вроде Великих Миней Четых или Лицевого летописного свода, либо совсем небольших центров книгописания (т. 1, с. 449).

Говоря о «Годуновских» Псалтирях, исследователь напоминает о своей концепции Третьего Рима, которая не представляется бесспорной. По мнению Усачёва, именно в этих памятниках Москва (а не все Российское царство или Русская земля) названа Третьим Римом (т. 1, с. 157). Нельзя согласиться с тем, что в сочинениях Филофея Москва не подразумевается, — или «не соотносится», по словам автора, с Третьим Римом. Храм Третьего Рима («Пресвятыя Богородицы честнаго и

славнаго ея Успения»), упоминаемый старцем Филофеем в послании «о исправлении крестного знамения и о содомском блуде», — это кремлёвский Успенский собор в Москве, и всё обращение Филофея к великому князю Василию III построено на идее отождествления и символической преемственности римской и московской власти⁷.

Трудно сказать, насколько репрезентативны полученные на основе методики Усачёва выводы для описания российской книжной культуры, поскольку данная методика оставляет за пределами исследования значительный массив неточно датированных рукописей, а десятки или даже «немногие сотни» (так в т. 1, с. 54) из точно датированных — ещё не выявлены. Автор на всём протяжении своего исследования уточняет и фокусирует выводы о репрезентативности применённой методики. Скажем, в одних только приходских библиотеках (а их были многие тысячи), согласно предположению автора, в XVI в. «находилось, по крайней мере, по 4—6 книг» (т. 1, с. 450). При этом допускается оценка всех сохранившихся датированных (в «выходных» записях) книг за XVI в. в «6—7% датированных книг от общего числа» (т. 1, с. 56, примеч. 203; ср.: т. 1, с. 8). В рамках принятых автором подсчётов это означает около 10—12 тыс. единиц. Если этот вывод и подтвердится, то потребуются уточнить само понимание репрезентативности наблюдений за книжными массивами, учитывая, что о равномерности сохранности книг по периодам, регионам и заказчикам в изучаемой культуре говорить не приходится. Статистическая репрезентативность книг с «выходными» записями для характеристики всего массива книжной работы в Московском государстве XVI в., как представляется, либо

ничтожна, либо вовсе недостижима. Автор этого и не оспаривает, хотя названные цифры как ориентировочные в монографии приведены (т. 1, с. 58).

Вызывает сомнение и принятый для наблюдений период — 1501—1600 гг., т.е. календарный принцип периодизации, за которым, как не раз поясняет Усачёв, не кроется никаких смысловых акцентов в изучении книжного дела. Данный принцип затрудняет и картографирование рукописей, поскольку в названных временных границах нет единой территории России, и как результат — в составе «России» оказывается, например, Великое княжество Рязанское (2 рукописи за 1508/09 г. — см. табл. 4 в т. 1, с. 86—89, а также с. 30 и др.; т. 2, с. 32. № 35, 36), и Копенгаген, где в 1579 г. при посольстве было скопировано Евангелие-тетр (т. 1, с. 30, 89, 387—390 и др., ср. здесь с. 198, примеч. 600; т. 2, с. 311—312. № 571)⁸. Нельзя согласиться с включением в состав российских книжников работавшего над переводом Травника около 4 мая 1534 г. «полонянина литовского, родом немчина любчанина» (т. 1, с. 208, примеч. 39), переписавшего в 1566—1567 гг. Псалтирь с исследованием «Ивана, полоняника полоцкого» (т. 1, с. 280—281; т. 2, с. 286. № 516), а также инока Исаяи, «уроженца с Каменца Подольскаго», копировавшего Толкования на Евангелия от Матфея и Марка Феофилакта Болгарского (т. 1, с. 235; т. 2, с. 349. № 632). Если московская книга может быть скопирована в Копенгагене, то почему пленник, т.е. формально — представитель иностранного государства, не может вести книжные работы на территории России? Кроме того, единство места копирования, кириллического языка российской редакции и российских книжников требует постановки проблемы записей на

иных языках (в числе том на кириллических языках иных редакций) на книгах, скопированных российскими книжниками в XVI в.⁹

Ощущается недостаток в данном исследовании терминологического раздела, без которого автор иногда принимает неочевидные для читателя решения. Например, по каким-то причинам из списка заказчиков рукописей были исключены два лица, упоминаемые в Лествице с толкованиями 1539 г. В «выходной» записи про них сказано, что один из них «благословил» копирование книги, а другой «положил» её, т.е. сделал вклад в ростовский Богоявленский Авраамиев монастырь (т. 2, с. 156—157. № 274)¹⁰. Однако если обратиться к другим записям, то «благословение» или «благословение и повеление» прочитываются Усачёвым как обозначения заказа на книгу (см., например, т. 1, с. 425—428), а «положившие» Триодь постную 1597—1600 гг. прихожане Георгиевской церкви названы исследователем заказчиками данной рукописи (т. 1, с. 433). А что означает копирование книги «труды и тщанием» того или иного лица? Значит ли эта формула, что упомянутый книжник непосредственно причастен к копированию или как-то иначе поучаствовал в работе над ней? Что означают слова о копировании «по обещанию и по радению» тех или иных лиц? На эти вопросы ответ должен быть, его подразумевает автор всякий раз, когда принимает те или иные решения о роли отдельных лиц и целых групп в копировании книг, однако в монографии нет ни специального раздела, ни терминологического анализа в её введении и заключении¹¹.

По-разному в различных разделах монографии Усачёв оценивает грамотность светских землевладельцев, то склоняясь к вы-

водам А.И. Соболевского о более чем 50-процентной грамотности в их рядах (т. 1, с. 248, примеч. 229; с. 304), то декларативно обходит вопрос о грамотности рутенского-русского населения Великого княжества Литовского по сравнению с московским обществом (т. 1, с. 454). В ряде случаев отправной точкой рассуждений служит тезис о низкой книжной грамотности светских людей по сравнению с чёрным и белым духовенством (т. 1, с. 57, 272, 275, 280). По отдельным показателям допускается, что полученная картина участия социальных слоёв в переписывании книг «несколько искажает действительность», поскольку удельный вес светских лиц-переписчиков мог быть выше, чем ныне известно (т. 1, с. 307). Это прямо следует из предположений о лицах из неизвестных социальных групп, нередко — именно светских, а не из духовенства. Следовательно, сравнения вряд ли уместны до тех пор, пока факты иноческой книжной работы не обращены на семьи и роды иноков-книжников до их пострижения в монашество. Надо сказать, при всей статистической размытости общей картины российского книжного образования и письменной культуры подобные подсчёты и сравнения пока ни к чему не обязывают.

В заключение хотелось бы отметить научную ценность второго тома монографии, в котором приведены краткие описания всех 734 изученных рукописей¹² с информацией о месте хранения, общем составе, датировке, формате, «выходной» записи (текст записей передан полно, но в упрощённой транскрипции), а также об актуальных опубликованных описаниях и упоминаниях данных рукописей в первом томе монографии. Второй том сопровождается обширным справочным аппаратом — списком сокраще-

ний, именным и географическим указателями и указателем (по древлехранилищам) шифров датированных рукописных книг XVI в. Двусторонняя карта, приложенная к двухтомнику, позволяет визуализировать исторический очерк. На одной её стороне — привязка кодексов с датированными «выходными» записями к центрам книгописания XVI в., на другой — к древлехранилищам наших дней. Можно признать, динамика между двумя сторонами одного листа огромна по масштабам и отражает пережитую российской культурой тенденцию к концентрации ценностей в двух столицах (почти 53% всех изученных рукописей находятся в Москве и почти 39% — в Санкт-Петербурге — см. т. 1, с. 40). При этом, как бы ни пополнились наши знания о российских книгах XVI в. за пределами Российской Федерации, обнаружение почти 99% всех изучаемых книг с датированными «выходными» записями в российских фондах отражает и изученность, и картографию московско-кириллических книжных собраний.

В известном смысле и картография книжных центров XVI в. вместе с позднейшими подвижками на карте, и исследование социального состава переписчиков и заказчиков книг показывают, что ренессансные понятия неприменимы к истории русских кириллических рукописей данной эпохи. У книги нет «аудитории» (читательской публики). Заказчик, создатель, владелец и читатель всё ещё типичны для монотеистических культур — той встречи «общества элиты» с «обществом массы», о которой пишут Люсьен Февр и Анри-Жан Мартен, рассуждая о новых формах европейской книжности середины XV—XVI в., в России не произошло. Не открывали книги и возможностей для светского расслабленного и развлекатель-

ного чтения, дискуссий и для практического — в том числе и религиозного — инструктирования широких масс¹³. В социологическом портрете книжности московского XVI в. почти нет отличий в участии белого и чёрного духовенства от выкладок, полученных Столяровой и Каштановым для более раннего этапа развития русского книжного фонда. Впрочем, определённые изменения, как уже сказано, затронули в XVI в. и эту весьма консервативную среду. Ценность масштабной работы А.С. Усачёва ещё и в том, что он впервые в таком объёме и на таком богатейшем источнике осветил процессы, которые теперь можно рассматривать не только в синхронии, но и в преемственности с историей книгописания XI—XVI и XVI—XVIII вв., а также и с более поздними культурными процессами.

Примечания

¹ Столярова Л.В., Каштанов С.М. Книга в Древней Руси (XI—XVI вв.). М., 2010. С. 127—244, 359—366.

² По непонятным причинам раздел о священниках-заказчиках, охватывающий 31 лицо, ограничен всего двумя краткими досье на протопопа Иакова Дмитриевича и священника Ивана Никифоровича, после которых сразу приведена сводная таблица (т. 1, с. 372—373, табл. 21). Почему участие остальных священников в копировании книг не заслужило никакого комментария?

³ О сословном и классовом сознании XVI в. см.: *Stökl G.* Gab es im Moskauer Staat «Stände»? // *JfGO. Neue Folge.* 1963. Bd. 11. H. 3. S. 321—342; *Kollmann N.S.* Concepts of Society and Social Identity in Early Modern Russia // *Religion and Culture in Early Modern Russia and Ukraine.* DeKalb, Ill., 1997. P. 34—51; *Согомонов А.Ю., Уваров П.Ю.* Открытие социального (парадокс XVI века) // *Одиссей. Человек в истории.* 2001. М., 2001. С. 199—215.

⁴ Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 110 (л. 189 об.; ср. л. 190—190 об.).

⁵ Рукописные памятники Ростово-Ярославской книжности. Методика взаимодействия столичного и регионального библиотечных центров по выявлению и описанию рукописей региональной книжно-рукописной традиции. Ярославль, 2011. С. 97.

⁶ О генезисе книгопечатания в России в связи с концепцией влияния пожаров см. также: *Усачёв А.С.* О возможных причинах начала книгопечатания в России: предварительные замечания // *Canadian and American Slavic Studies.* Vol. 51. 2017. № 2—3. P. 229—247. Ср.: *Ерусалимский К.Ю.* На службе короля и Речи Посполитой. М.; СПб., 2018. С. 184.

⁷ *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания: Историко-литературное исследование. Киев, 1901. Приложения. С. 50. См. также: *Гольдберг А.Л.* Идея «Москва — Третий Рим» в цикле сочинений первой половины XVI в. // *Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом).* Т. 37. Л., 1983. С. 139—149; *Michelis C.G., de.* Origine e interpretazione della «Terza Roma» in Filofej (1523) // *Da Roma alla Terza Roma. Documenti e studi.* III. 21 aprile 1983: Popoli e spazio Romano tra diritto e profezia. Napoli, 1986. P. 521—527; *Nitsche P.* Moskau — das Dritte Rom? // *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. Zeitschrift des Verbandes der Geschichtslehrer Deutschlands.* 1991. Jg. 42. S. 341—354; *Kämpfer F.* Autor und Entstehungszeit der Lehre «Moskau das Dritte Rom» // *Da Roma alla Terza Roma: IX Seminario Internazionale di studi storici.* Campidoglio, 21—22 aprile 1989: L'idea di Roma a Mosca secoli XV—XVI. Roma, 1989. S. 61—83; *Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI вв.). М., 1998; *Poe M.* Moscow, the *Third Rome: The Origins and Transformations of a «Pivotal Moment»* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 2001. Bd. 49. H. 3. P. 412—429.

⁸ Сомнительна денная датировка Евангелия-тетра 1579 г., предположенная авторами каталога рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского и принятая Усачёвым. Не вызывает сомнений годичная дата и месяц: «Лета 7087-го мая» (*Иванова О.А., Гальченко О.М., Гнатенко Л.А.* *Слов'янська кирилична рукописна книга XVI ст. з фондів Інституту рукопису Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського: наук. кат.: палеогр. альбом.* Київ, 2010. С. 161). Однако дальше буквы «въ день» сопровождаются двумя титлами, что вызывает сомнения, поскольку буква «ер» (ѣ) означает, что написанное — не цифра, а предлог. Следовало бы осторожно отнестись и к предположению, что перед нами цифра «2», а не пропуск цифры, и не строить на столь шатких основаниях датировку прибытия посольства в Копенгаген (т. 1, с. 388).

⁹ См., например: *Иванова О.А., Гальченко О.М., Гнатенко Л.А.* *Слов'янська кирилична рукописна книга...* С. 69—70. № 22 (ф. 310. № 152); С. 119—121. № 47 (ф. 301. № 40л); С. 151—152. № 67 (ф. I. № 7456); С. 219—221. № 115 (ф. 310. № 15); С. 232—234. № 123 (ф. 306. № 80); С. 254—255. № 138 (ф. I. № 7495); С. 288—289. № 163 (ф. 312. № 233);

С. 323—325. № 187 (ф. 312. № 274); С. 387—388 (ф. 307. № 431).

¹⁰ В публикации записи Усачёв упустил в её окончании слово: «Аминь» (*Иванова О.А., Гальченко О.М., Гнатенко Л.А.* Слов'янська кирилична рукописна книга... С. 237).

¹¹ Отметим также, что модальность в формулировках не всегда выдержана. Так, рассуждая о двух списках Пролога из Рогожского собрания (т. 2, с. 71—72, 73. № 113, 115), автор однажды допускает их новгородское происхождение (т. 1, с. 72), однако во всех осталь-

ных случаях пишет об этом либо как о готовом знании, либо даже подчёркивая «очевидность» этого отождествления (см. т. 2, с. 71—73).

¹² Эта разница в одну единицу между декларируемым количеством изученных записей и составом каталога во втором томе вызвана дополнением одной единицы в каталоге, видимо, на этапе завершения работы — в монографии № 324 и 324а.

¹³ *Febvre L., Martin H.-J.* L'apparition du livre. P., 1971.

Людмила Марней, Борис Носов

Рец. на: К.А. Кочегаров. Украина и Россия во второй половине XVII века: политика, дипломатия, культура. Очерки. М.: Квадрига, 2019. 424 с., ил.

Liudmila Marney, Boris Nosov

(both — Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: К.А. Кочегаров. Ukraina i Rossiia vo vtoroy polovine XVII veka: politika, diplomatia, kul'tura. Ocherki. Moscow, 2019

DOI: 10.31857/S086956870007412-4

Серия «Исторические исследования» издательства «Квадрига» пополнилась монографическими очерками Кирилла Александровича Кочегарова «Украина и Россия во второй половине XVII века: политика, дипломатия, культура». Российско-украинские отношения второй половины XVII в. несколько лет были объектом пристального изучения автора. Его кропотливая работа в российских и польских архивах позволила не только расширить источниковую базу исследования, рассмотреть поставленные проблемы в широком контексте связей и отношений России с Украиной, Речью Посполитой, Турцией и Крымом, но и обнаружить значительный комплекс материалов, которые впервые вводятся в научный оборот. Кочегаров не просто использует новые источники для верификации существовавших в историографии точек зрения по различным аспектам рус-

ско-украинских отношений, но и публикует неизвестные ранее документы в приложениях к каждому очерку. Хотелось бы особо отметить, что среди немалого числа пишущих на «украинскую тему» отечественных авторов Кочегарова не только отличает владение украинским и польским языками, но и фундаментальное знание архивов России, Польши и Украины, а также историографии рассматриваемых проблем. Особенно это касается источников польского происхождения и польской историографии, в то время как для многих авторов работа с польскими источниками и литературой оказывается крайне затруднённой¹.

Центральной темой первого раздела исследования Кочегарова стала судьба Правобережной Украины и борьба Речи Посполитой, России, Крымского ханства и Османской империи за украинские земли во второй